

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ, СЛОВОТВІРНІ ТА ГРАМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ СУЧАСНИХ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

УДК 811. 163. 2

Э. П. Стоянова (Киев)

Следы минувшего (румыно-болгарский дискурс в Бессарабии и Таврии, конец XX – начало XXI века)

Стаття є спробою встановити етнокультурні, історичні, психо-лінгвістичні чинники комплексного характеру та довготривалого використання румуномовних елементів в усній і писемній формі болгарського острівного ідіому, що функціонує на території сучасної України.

Ключові слова: Україна, болгарський острівний ідіом, румунські запозичення.

The article is the attempt of ascertain on the ethnological and cultural, historical and psychological factors of the complex way and the long profit of the Rumanian languages elements as at the parole to the written form of the Bulgarian island idiom, that is functions in Ukraine.

Key words: Ukraine, Bulgarian island idiom, Rumanian languages elements.

Островной болгарский идиом, функционирующий на территории нынешней Украины, издавна привлекал внимание диалектологов, которых интересовала главным образом его способность консервации архаичных по сравнению с современным болгарским литературным языком элементов,

например, старославянизмов. Как известно, румынский и болгарский литературные языки, входящие в состав Балканского языкового союза, обладают сходными типологическими особенностями, в частности, постпозитивным артиклем, сложной системой аналитических временных глагольных форм, удвоением прямого дополнения. Болгарский язык заимствовал из румынского значительное количество лексем. К наиболее древним относятся: *маса, май, костура, лимба, капра, мушия*, к более новым – *абонат, абонамент, мобили, супа* и др. [3; 11, 421].

А вот обнаружение неологизмов в местных диалектах приводило ученых в замешательство. Рассмотрение данной формации в аспекте ее речевого функционирования в качестве связного текста, направленного на взаимодействие людей, вписанного в конкретную коммуникативную ситуацию, иными словами, речи, „погруженной в жизнь”, что обозначается в современной лингвистике термином *дискурс* [4, 136 – 137], позволило нам подойти к лексическим и фразеологическим элементам неболгарского происхождения с учетом лингвокультурологических факторов, рассматривая их присутствие во второй половине XX в. и в наши дни на фоне социально-политического контекста того исторического периода, который, на наш взгляд, оставил заметный след и предшествовал нынешнему, а именно был ограничен Первой и Второй мировыми войнами. Хотя не следует недооценивать и воздействия румынского языка в Бессарабии в период Болгарского возрождения, так как в 60-70-е гг. XIX в., в канун освобождения Болгарии от османского ига, в румынских городах Гюргево, Браила, Крайова и др., располагавшихся на территории нынешней Украины в непосредственной близости от болгарских поселений, существовали болгарские школы и другие культурно-просветительские учреждения, осуществлялась общественно-политическая деятельность П. Берона, Г. С. Раковского, Л. Каравелова, Хр. Ботева и др.

В конце XX в. этнические болгары на территории Украины, количество которых в настоящее время насчитывает более 200 тыс. человек, получили статус национального меньшинства. В местах их компактного проживания (Одесская и Запорожская области) в общеобразовательных школах изучается родной язык. Социально-экономические процессы последних десятилетий вносят изменения в форму расселения болгар – из компактной она переходит в дисперсную, многие живут в областных центрах, в столице Украины Киеве, где создаются общества национального языка и культуры, работают воскресные школы. Обучение в общеобразовательных школах и вузах ведется на государственном языке.

Целый ряд документов (материалы диалектологических экспедиций, организованных филологами Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова в болгарские села Одесской области, личные записи бесед с нынешними сельскими, а также в первом поколении городскими жителями – болгарскими по происхождению, результаты проведенного нами лингвостилистического анализа как произведений устного народного творчества, так и художественных текстов местных профессиональных писателей, опубликованных на Украине и в Болгарии) свидетельствует об активном вкраплении в них элементов неславянских языков, главным образом румынского и турецкого. Их использование придавало речи говорящего дополнительный коннотативный оттенок более высокой языковой компетентности, что было для него самого небезразличным. С нашей точки зрения, навыки грамотно организованного с позиции речевой культуры устного текста, может быть, организованного не всегда осознанно, передавались представителям различных прослоек данного социума, особенно старшего поколения. Это дает нам основание рассматривать аспект коннотативной мотивированности как типологическую особенность структуры данного дискурса. Наши собственные

наблюдения можно подкрепить фактом оценки односельчанами речи богача Хаджи Стефана, описанной местным болгарским писателем М. Фуклевым в его романе „На позлатената земя“: „Хаджията нека устата си затваря. За староста се тъкми, да управлява, а две думи свесни не може да каже” [7, 109]. Сам герой оценивает свои коммуникативные способности также довольно трезво: „Иван Кирилович, да идем утре у пристава. Благородна дума ще му кажеш, ще шепнеш нещо на жена му. Майстор си, знам аз” [10, 127; 9, 167].

В данной статье постараемся локализовать обширную проблему многовекового взаимодействия и взаимовлияния указанных языков рассмотрением местного болгарского дискурса, который в отмеченный нами период развивался в условиях неоднократной смены государственных границ. Значительное влияние со стороны румынской культуры объяснялось, в первую очередь, тем, что румынский язык являлся официальным. Во всех сельских школах, а также гимназиях административного центра болгарских колоний г. Болграда обучение велось на румынском языке. Остановимся на различных социальных сферах, обслуживаемых тогда данным дискурсом.

Прежде всего хотелось бы назвать среду духовную, представленную литургическими текстами, сохранившимися в памяти людей преклонного возраста, тех, кому сегодня за 70 лет. Один из них, филолог с высокой научной степенью и званием, вспоминает: „Малышом, еще до школы, я ходил в *grădină de copii*. К нам пришла учительница и повела нас на *arbore verdeaț*. Потом мы вернулись в класс. Как там было красиво! И мы все читали вслух: „*Tatal nostru care esti în ceruri!*” И он почти без ошибок произносит всю Иисусову молитву по-румынски.

Сегодня дети в болгарских селах, если узнают этот текст, то по церковнославянски, но на улице все еще играют на „*de-aarsicelē*” и „*pehlivān rāchichca*”, используя суставные косточки от

задних ног ягненка – *arsic*. В состав устной формы детского румыно-болгарского дискурса мы включаем и текст считалки „*ala-bala portocala...*”, а также бытовые лексические элементы, функционирующие в общении между детьми и взрослыми, как: им. сущ. *bomboan* „конфета”, *buza (buzca)* „щека, щечка”, например: „*Дай да ти цонкам по бузката*”; глагол *рарат* „кушать”: „*Папай, моето детенце, папай, миличко!*”

Отражением румынизированной формы детских прозвищ, данных с целью осуждения некоторых вредных привычек, являются звательные словоформы, содержащиеся в тексте болгарской сказки „Зла мачеха”, записанном в с. Софиевка (Таврия): мачеха называет пасынка „*Гудур`аки-мързел`аки*”, в то время как в болгарской огласовке подобное обращение звучало бы, вероятно, как : „*Тодор`анчо-мързел`анчо*” или „*Г`одоре-м`ързеле*”.

Следы устной разновидности румыно-болгарского дискурса особенно заметны в тексте сказки „Булка с крила”, записанном акад. Н. С. Державиным в начале прошлого века в Приазовье [12, 31 – 34]. Текст № 19 представляет собой болгарский вариант волшебной сказки, в основу которой заложен бродячий сюжет о Царевне-Лягушке [5, 26], выражающий концепт женского счастья – мечту об удачном замужестве. Вот несколько диалогических фрагментов из этой сказки, которая была включена нами в сборник сказок под заголовком „Късметливата Неда”, изданном в Софии в 1994 г.

Первый фрагмент: – Откъде си? – От *Щиргареци!* – Аз съм царския син и не съм чувал ни за село, ни за царство такова. А тя му отговорила: – Ни е село, ни е царство, бате! *Щиргареци* сребърно е пате...

Второй фрагмент: – Откъде си? А тя му рекла: – От *Букуреци*. – Не съм чувал ни за село, ни за царство такова. – Ни е село, ни е царство, бате, а е златно *Букуреци* пате...

Третий фрагмент: – Искам я за жена тази мома от *Букуреци*... Къде, патарке, се научи да правиш такива вкусни

роговачки¹. – В *Щиргареци*, бате, ме научи сребърното пате. – Ами кой ти даде пръстена, който ти сложи в роговачката? – Даде ми го в *Букуреци*, бате, златното летящо пате! [12, 45 – 48].

На вопрос, что означает топоним *Щиргареци*, одна из наших информанток, долгое время жившая в г. Болграде и хорошо знавшая румынский язык, предположила, что это искусственно созданное название, которое образовано от слова *ștergar,-re* (*щиргар* – вышитое полотенце для украшения крестьянского дома) и трансформированное в потоке простонародной речи по модели таких слов, как *романеци*, *молдавенеци*. На наш взгляд, этот пример можно рассматривать как один из элементов спонтанного проявления румыно-болгарской диглоссии, когда для усиления позитивных эмоций относительно некоего субъекта или объекта в просторечном контексте используются элементы более высокого кода, *high variety*. В данном случае таким кодом являлся в рассматриваемый период румынский язык. В продолжение более чем 150-летнего функционирования на территории нынешней Украины болгарского островного идиома, находившегося в окружении различных нормированных литературных национальных языков, эту роль выполнял в определенный период наряду с румынским и русский язык, а в настоящее время все больше – литературный болгарский и даже английский.

Иногда включение в спонтанную речь иноязычного элемента служит для того, чтобы убедить собеседника в превосходстве говорящего по данному вопросу или вообще продемонстрировать собственный более высокий культурный уровень. В качестве примера можно привести румынскую лексему *nimaidecî*, болг. *веднага*, *изведнъж*, которую любит вставлять в свою диалектную болгарскую речь один из

---

¹ В некоторых болгарских селах Бессарабии вместо слова *роговачки* используется румынская лексема *pături* (> *împături*). Прим. авт.

нынешних наших знакомых, не изучавший румынского литературного языка. Вероятно, это слово использовалось когда-то в „домашнем” дискурсе, поскольку члены семьи учились в „румынское время”.

Другие слова румынского, а иногда и турецкого происхождения через посредство румынского языка входят в поток островной формы национальной болгарской речи как естественное ее продолжение – это частицы: *ales* [ал`ус], болг. *точно това, истински*; *chiar* [к`ар] болг. *дори*; *gata* [гата], болг. *готово*; фразеологизмы: *отиде на кушия*, болг. *отиде неочаквано, много бързо* < тур. *kusija* – болг. *надбягване с коне*; *омнишно / омично ми е* < рум. *omisiene* – болг. *така ми се струва, че някой направил магия, чувствам неловкост; ачигьоз, по-ачигьоз* : „Тя е по-ачигьоз!” – говорит бабушка, сравнивая одну внучку с другой, желая особо подчеркнуть находчивость своей любимицы: *ачигьоз* < тур. *açekgöz*, болг. *хитър, ловок*.

Иногда для обозначения одной реалии болгары используют слова обоих чужих языков, стратифицируя их в соответствии с неписаными, и тем не менее обязательными, нормами бессарабского (буджакского) койне. Например, сельский житель, принимающий в своем доме гостей, обращается к супруге: „Я изнес вино от *бурдея!*” Житель г. Болграда в подобной ситуации скажет: „Изнес вино от *мазето*, моля ти се!”; **borde/i** 1. землянка; 2. лачуга, хижина, избушка [Болокан, 183]; **бордей** от влаш. *vordei*, срв. фр. *bordel* колибка [Ст. Младенов 1, 195]; **мааза** *диал.* *рядко* зимник, склад [Д. Манчев, 1869], магазин („Български орел”, 1847), мааза (Прилеп), маазь *диал.* склад. – От тур. *tağaza* с изпадане на проходното интервокално ğ. – Ср. *маза, мазе, магазин, магазия* [БЕР 3, 593].

В бытовой сфере сегодняшнего болгарского дискурса лексика румынского происхождения представлена очень широко. Вот некоторые примеры: *борч*, болг. *безалкохолна*

напитка от ръж, подобна на квас, рум. *borș*; *мизя / мизе*, болг. *лека закуска за пиене*, рум. *mezel*; *мирудии*, болг. *подправки*, рум. *mirodie, mirodenie*; *сухра / суфра*, болг. *малка масичка с крака*, рум. *sofra*; *синийка, синия*, болг. *ниска кръгла маса*, рум. *sinie*; *гердан*, болг. *огърлица, наниз от украси*, рум. *gherdan*; *керемида*, рум. *cărami/da* и др.

Сюда же можно отнести и слова-инвективы: *алдракулуй*, болг. *по-дяволите*, рум. *//~a dracului – черт!*; *черт возьми!*; *черт бы тебя побрал!* [Болокан, 456]; *багабон / багабонт*, болг. *хулиган, много говори и все за дурно*, рум. *vagabond* „бродяга” [Болокан, 1519]; *нибун*, болг. „луд, идиот”, рум. *nebun* „безумный” [Болокан, 882]; *бутал*, болг. *муден, нечевръст*, рум. *budala* „дурак, глупец, простака” [Болокан, 195].

Письменная форма рассматриваемого дискурса представлена художественными произведениями местных авторов, создававших стихи, рассказы, романы на болгарском языке. Вот несколько отрывков из стихотворений одного из самодеятельных поэтов – Ивана Арнаутова, который был до глубины души влюблен в родной г. Болград. Он описывает знаменитые архитектурные сооружения этого административного и культурного центра болгарских колоний первой половины XIX в., а именно Спасо-Преображенский собор, мужскую и женскую гимназии: Тъй вярно, да. Си скромен и прескромнен *дор*, мой мили град! Но кажи ми, *джанъм*, кой не си възхити...пред твоя храм – Събор! Какъв шедьовър, Боже! Какви пропорции, какъв размер в покрайнина такава! Каква перфектна архитектура! И *семпла* пък, и величава...Две згради импонира не *сал* с масивните размери...*демек*, рождената й дата. Предци с завиден *табихет зер* всичко, що се построили...Че дъщерята *ачигьоз*. Свидетелство за егалите... *Зер* осемте години, що прекарал там...Можеха да учат не *сал* синчета на богатеи. Довтасаха за ум и разум зажаднали за просвета не само тукашни момчета [10, 11].

В этом тексте среди заимствованных слов иллюстрацией к теме нашего сообщения относятся лексемы румынского языка *дор*, болг. „само, единственно”, рум. *doar* „только, лишь, ведь же” [Болокан, 446]; *табихет / табиет*, болг. „нрав, характер, обычай, привычка” [Берн. 650], рум. *tabiet* „привычка, обыкновение, обычай” [Болокан, 1402]; *семпла*, болг. „простой, элегантный” [Берн. 605], рум. *simpla* „простой, несложный, легкий, нетрудный” [Болокан, 1310]. К словам турецкого происхождения относятся элементы разговорной речи: *сал*, болг. „само”. От *салт*, тур. *salt* [БЕР 6, 438]; *демек*, болг. „то ест, значи” [Берн. 112], тур. *demek* „означавам” [Тур.-бълг., 1962, 125]; *зер / зере*, болг. *разг. диал.* „как не, нима”. – Через тур. *зира* от перс. *зира* [БЕР 1, 636].

Заимствования из румынского нередко встречаются в произведениях таврического болгарского писателя М. Хаджийского, например: „Сватбарите отидоха късно, на вратника пиха „лаботу калул” влашка раздяла” [14, 26]. – А че ти няма ли да се върнеш, *мошуле*? – Няма. – Ами шубата? – Халал да ти е [15, 12]¹. „Едно лято, още като ученик в гимназията, бях в Преслав. Вечерта в салона на селския клуб студентите от техникума бяха изнесли Вазовата пиеса „Хъшове”. В антракта на последното действие на авансцената излезе един студент и обяви, че след спектакъла ще бъде изпълнена новата българска песен „Марица”. Всички помислиха, че ще пеят влашката песен „Марица, Марица, тинери фетица” – доста популярна в нашите села... На другия ден целият Преслав пееше „Марица”, без да знае някой, че това е българският марш” [16, 22].

Песенное румынское творчество активно использовалось болгарской общностью. Об этом свидетельствуют иногда очень, а иногда и не очень веселые воспоминания разных

---

¹ *Мошуль* болг. *дядото, старецът* < рум. *тош*. В контексте этой фразы образуется звательная форма *дедула*. – Младенов М. Българските говори в Румъния. – София : БАН, 1993. – С. 373.

информантов. К первым относится шуточная „Eonel! Eonelu le! Numaj bja, Bajatu le!“; ко вторым – „Tren alegatie casapljasa. La revedere, Besarabija. Dorul, mamî, dor“. Встречается румынское присутствие и в частушках 30-ых годов: „Ленин ясно се провика // От града, от Петрограда. // – Я, собирайте се, събирайте // От всички страни слугини, // Слугини още *аргати*“ [11, 112].

К сфере общественно-политической деятельности относится румынская лексика, функционировавшая в текстах как устной, так и письменной формы. Она представлена такими словами: *альшвериш*, рум. *alişveriş* „торговля, продажа, сделка“ [Болокан, 63]; *алегате*, рум. *alegatie* „ссылка“; *аргати*, болг. *ратай*, рум. *argat* „батрак, работник“ [Болокан, 102]; *примъррия*, *жандар* / *жандарин*, болг. „полицай“, рум. *jandar* / *jandarm* „жандарм“ [Болокан, 736]; *плутониер*, рум. *plutonier* „старшина“ [Болокан, 1009]; *боерин*, рум. *boier* „боярин, помещик, барин, сударь“ [Болокан, 179]. Конечно, все они входят в пассивный запас лексики современного болгарского языка, являясь архаизмами.

Коротко остановимся на слове *чамур*, так как оно до недавнего времени входило в состав активного запаса лексики, расширив значение по сравнению с первоначальным, которое зафиксировали составители привлеченных нами лексикографических трудов. Ср.: *чамур* м. „кал“ [1; 10,124]; *чамур* м. „1. кал; 2. Смес от глина или оборски тор с плева за строеж“ [2; 3, 134]; *чамур* м. „смес на цимент с пясък“ [13; 2, 276]; *сеатур* (рег.) – *чамур* „смесь глины, навоза и соломы“ [Болокан, 245].

В середине 60-х годов, когда мы с И. А. Стояновым приехали из северной столицы в гости в с. Бановку, нас торжественно пригласили, как будто бы для ознакомления с неким сугубо болгарским национальным обычаем, “на чамур”, т.е. принять участие в изготовлении саманных кирпичей из смеси глины, навоза и соломы. В нашем семейном фотоархиве сохранился

снимок того же периода: на фоне только что возведенных стен дома, высота которых такова, что уже видны проемы окон и дверей, стоят более полудесяток мужчин и подпись: „Дядо Аджия дига новата къща”. На вопрос, каким словом можно назвать изображенное на фото событие, ответ был: „Это чамур”. И после некоторой паузы: „А может быть, и меджия”. Таким образом, слово *чамур* включало несколько значений, образованных способом метонимии: „1. сырье – смесь для изготовления саманных кирпичей, о которой сообщают составители словарей; 2. процесс изготовления указанных кирпичей; 3. само изделие – необожженный саманный кирпич как строительный материал”. А в оттенках синонимичных, на первый взгляд, значений слов *чамур* и *меджия* мы разобрались благодаря профессору Одесского университета имени И. И. Мечникова А. В. Шабашову. Вот как он описывает процесс возведения жилища из саманного кирпича: „Глина смешивалась с соломой, из нее формовались кирпичи, которые складывались в пирамиды для просушки, но не обжигались. Когда они высохли, из них возводились стены. При изготовлении кирпичей и возведении стен практиковалась коллективная взаимопомощь – *меджия*, к которой привлекались родственники и соседи. После возведения стены обмазывались глиной, смешанной с половой и конским навозом... Переходные типы жилищ: возводилось два слоя *чамурных* глинобитных стен высотой 1,4 м., а остальная верхняя часть – из саманного кирпича” [9, 350]. Таким образом, словом *чамур* обозначали, по-видимому, первый этап возведения глинобитных стен дома, второй этап – из саманного кирпича – обозначался словом *меджия*.

Сборники диалектологических экспедиций Одесского университета под общим заголовком „Българските говори в Украйна” снабжены небольшими словарями, которые включают те элементы словарного фонда перечисленных идиомов, которые представляют, по мнению авторов, наибольший интерес по отношению к современному болгарскому

литературному языку, преимущественно диалектизмы, архаизмы, этнографизмы. Относительно описываемого нами аспекта авторы сообщают: „Сравнительно мало заимствований из румынского языка. Они относятся к тому времени, когда село находилось под юрисдикцией Румынии. Но значение их велико, так как они показывают, насколько сильным оказывается влияние одного языка на другой в продолжение 10–15 лет взаимодействия” [1; 10, 96]. В период, когда Бессарабия находилась в составе Румынии, много сельских жителей обучались в румынской школе, чем и объясняется влияние румынского языка на лексический состав говоров. В то же время, несмотря на то, что многие не только пассивно, но и активно владеют указанным чужим языком, количество заимствований из него не столь велико. Наиболее частотными являются: *въркулица* – вилица; *папшой* – мамул; *кърлига* – 1. овчарска тояга, 2. Орнамент от хляба на Гергьов ден; *паралия* – шапка с периферия; *кептар* – минтан; *къцьфейкъ* – вид блуза; *каруца* – кола и др. [2; 1, 113].

Хотелось бы поддержать авторов относительно высокой оценки влияния неродственного языка на местный болгарский идиом в рассматриваемый нами исторический период, обратив внимание на такие предпосылки осуществления этого процесса, как высокий статус языка-донора – на нем велось обучение, делопроизводство, обслуживалась духовная сфера. С изменением государственной и общественно-политической системы и утратой прагматической направленности румынского языка проявилась стилистически направленная коннотативная функция румынских лексических и фразеологических элементов дискурса.

В то же время, по мнению доктора филологических наук И. А. Стоянова, проблема взаимодействия румынского и болгарского языков имеет многовековую историю, начало которой восходит к первым контактам славянского этноса с автохтонным населением Балканского полуострова.

На основе историко-этимологического, типологического и ареального подходов к вопросам происхождения лексики было установлено, что такие слова, как *каруца* ‘воз, подвода’ < рум. *caruța*; *маса* ‘стол’ < рум. *masă*; *зестра* ‘приданое’ < рум. *zestre*, были заимствованы еще до начала массовой эмиграции болгар за Дунай [6, 37].

Заканчивая изложение, можно указать на несколько этнокультурных, исторических и психолингвистических факторов комплексного заимствования и длительного использования румыноязычных элементов местным болгарским идиомом. Во-первых, это близость болгарской и румынской языковых систем, входящих в состав балканского языкового союза; большое значение таких исторических периодов, как Болгарское возрождение, когда территория Румынии выступила оплотом в борьбе соседей-славян за национальную и культурную независимость, а также территориальная близость, которая обеспечила вхождение Бессарабии в состав королевства Румынии и сыграла свою роль во всестороннем приобщении к соседней мажоритарной культуре, когда не только письменная форма официально-деловых документов, учебников, литургических текстов, но и диалогический дискурс в письменной и устной форме приобрели множество помет указанного неродственного языка. Немаловажным является и социально-психологический аспект коннотативной мотивированности говорящего – носителя островного болгарского идиома, его желание придать весомость высказыванию за счет использования иноязычных *high variety* элементов.

Литература

1. Барболова З., Колесник В. Говорът на българите в с. Кирнички, Бесарабия // Българските говори в Украйна. – Одеса : Астропринт, 1998. – Випуск I. – 155 с.
2. Барболова Зоя. Особенности на българския говор в с. Червоноармейское (Кубей), Болградски район, Одеска област // Българските говори в Украйна. – Одеса, 1999. – Випуск II. – 151 с.

3. Колесник Валентина. Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь // Българските говори в Украйна. – Одеса, 2001. – Том III. – 287 с.
4. Кратка българска енциклопедия. – София: БАН, 1966. – Т. 4. – 660 с.
5. Лингвистическият енциклопедическият словарь . – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 683 с.
6. Пропп В. Морфология сказки. – Ленинград : Academia, 1928. – 190 с.
7. Стоянов І. А. Болгарська мова в Україні : Проблема функціонування і розвитку лексики [Текст] : Автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.03 / Стоянов Іван Андрійович; НАН України, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні. – К., 1995. – 47 с.
8. Стоянова Ельза П.. История одного языкового острова. Письменность болгарской диаспоры на Украине. 1861–1993 . – София, Велико Търново : Знак 94, 1997. – 244 с.
9. Шабашов А. В. Строительство, усадьба и жилище // Чийшия : очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. – Одесса : Астропринт, 2003. – Гл. 10. § 1. – С. 150.
10. Арнаутов Иван. Мой роден град. – Болград, 1987. – С. 11.
11. Български народни песни. Машинописный вариант одноименного сборника. – Киев: Укрдержнацмениздат, 1938. – 120 с.
12. Державин Н. С. „Болгарские колонии в России”. Т. II. Язык. – Петроград, 1915. – 523 с. – III ч. Тексты. – С. 31 – 34.
13. Стоянови Елза и Иван. Съставители. Късметливата Неда. Български народни приказки от Бесарабия и Таврия. – София : Фльорир, 1994. – 125 с.
14. Фуклев М. На позлатената земя. – Киев : Держнацмениздат, 1934. – Дял I. – 109 с.
15. Хаджийски Мишо. Кръчмата на Мънзула // Хаджийски Мишо. Пуста чужда чужбина. – София : Христо Ботев, 1994. – 258 с.
16. Хаджийски Мишо. Бежанци // Хаджийски Мишо. Българи в Таврия. – Велико Търново, 1992. – 63 с.
17. Хаджийски Мишо. Селата в степта // Хаджийски Мишо Българи в Таврия. – Велико Търново, 1992. – 63 с.